

Ольга Исаченко

Исаченко (Горицкая) Ольга Юрьевна родилась в 1953 г. в городе Верхотурье Свердловской области. Окончила химический факультет Уральского государственного университета им. Горького. Работала на Челябинском металлургическом заводе и в природоохранных организациях Свердловской области. Первая публикация – в коллективном сборнике «Первоцвет» (Свердловск, 1987, 3000 экз.). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Дети Ра». Автор книги стихов и переводов «И человеку и листу» (2006, 200 экз.). Участница АСУП-2,3. Живёт в городе Краснотурьинск Свердловской области.

Филологическая маркировка стихов О.И.

Традиции, направления, течения: советская поэзия, почвенничество, имажинизм.

Основные имена влияния, переключки: А. Тарковский, А. Кушнер, Ю. Левитанский, множество поэтов, так или иначе наследующих советской традиции.

Основные формальные приемы, используемые автором: традиционалистская просодия, жёсткий вывод в стихотворении, оксюморон, ассоциативная метафора.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: ностальгия по детству и юности, стоический оптимизм, медитативное созерцание окружающего мира.

Творческая стратегия: общедоступность, путь «от сердца к сердцу», удовлетворение читательской потребности в самоидентификации – с большей или меньшей степенью удачи.

Динамика: читая стихи Исаченко во 2-м томе, преимущественно датированные 1999 годом, не можешь избавиться от ощущения недостатка, – сужения художественного пространства стихотворения до конкретной мысли, выраженной более или менее жёстким «моралитэ», иногда

граничащим с банальностью. Подборка в 3-м томе обнаруживает, что эта черта «смысловой» поэтики остаётся неизменной, но мысль приобретает рамки философского афоризма, иногда оригинального, порой основанного на реминисценции строки поэта-современника (например, Г. Русакова). Неизменная ориентированность О. Исаченко в сторону субъективной констатационности (больше «о чём», нежели «как») может ограничивать диапазон восприятия. Однако подразумеваемому читателю, ищущему доступности и ответа на свои внутренние вопросы, эта особенность лирики Исаченко, желающей быть понятной и понятой, может оказаться близка.

Коэффициент присутствия: 0,41

АВТОБИОГРАФИЯ

Одна из моих исторических родин – земли, нанизанные на Золотое Кольцо. Там, в селе Ильинском возле бывшей костромской Середы, перелицованной в ивановский Фурманов, служил прадед-священник о. Николай Горицкий, учительствовали дед и бабушка – один до ареста в 1937 году, другая до ордена Ленина и пенсии. Их старший сын погиб в 1944 году лейтенантом-танкистом на Западной Украине. Мой отец, Юрий Алексеевич, в войну подросток, в начале 50-х после окончания химико-технологического института в Иванове был направлен на работу в Верхотурье на завод металлоизделий – по неблагонадежности биографии ему позволялись только предприятия местного значения.

Мама, Анна Ивановна, выросла в Камышловле. Изначально крестьянская, большая семья Флягиных в начале 50-х переехала в город. Заработок давала железная дорога: отец – плотник, брат и мужья сестер – машинисты. Второй брат имел стремление к учебе, но не пришлось – пропал без вести в 1942-м. Мама, младшая в семье, одна получила высшее образование. Закончив геофак Свердловского пединститута, она очутилась в том же Верхотурье, а дальше знакомство с отцом и выход замуж.

Я родилась в апреле 1953 года – аккуратно с началом второго семестра Советской власти. После XX съезда ссыльное и полуссыльное население Верхотурья стало потихоньку разъезжаться. По ходатайству отца было пересмотрено дело деда, сгинувшего в лагерях где-то на севере Пермского края, и получена справка о его посмертной реабилитации. Тогда и отец стал осматриваться в поисках перспективы. Осенью 1958 года наша семья вместе с перебравшейся к нам из Ильинского бабушкой Ольгой и грудной младшей сестрицей отправилась еще дальше к северу – в Красноту-

рыньск, где требовались кадры на построенном в войну Богословском алюминиевом заводе. Из старого горняцкого поселка вырос целый город. Бабушка прожила на новом месте недолго – я была еще первоклассницей, когда она умерла от воспаления легких. Отец не дожил и до 50. Жизнь как положено, шла дальше, младшее поколение, вырастая, разъезжалось в поисках своего места под солнцем – сестра с мужем в ХМАО, сын и племянники – в Екатеринбурге, дочь с зятем и маленькой внучкой аж на Соловках... В Краснотурьинске остались только мы с мужем... В общем, все, как у людей.

Что сказать о своих отношениях с поэзией? Этот «вирус», видно, наследство по отцовской линии. Папа был человеком общественного склада, к тому же с артистическими задатками, пел в знаменитом хоре электролизного цеха, в том числе и сольские партии (потомству, увы, не передалось), легко мог написать шуточные стихи «на случай». Помню, мы с ним веселились, сообщая сочиняя стихотворные пересказы школьных происшествий, необходимых маме для чего-то типа «живой газеты». Собственные мои стихи школьных и студенческих-стройотрядских лет были примерно такого же плана, в этом качестве и востребованы окружением. Подобные им во множестве красовались в стенгазетах нашего здания УРГУ на Куйбышева, 48, где я училась на химфаке, не говоря уж о коридорах гуманитарных факультетов.

После университета я около четырех лет проработала на Челябинском металлургическом заводе, в цехе аналитических лабораторий. «Засветившись» в привычном жанре в стенной печати, получила совет примкнуть к заводскому литобъединению «Металлург». Оно было хорошо известно не только в Челябинске. Руководство «Металлургом» в это время принял на себя журналист Анатолий Белозёрцев вместо умершего поэта Вячеслава Богданова. Костяк объединения составляли люди с порядочным уже поэтическим стажем: Геннадий Комаров, Атилла Садыков, Николай Валяев, Михаил Шанбатуев... Собирались по воскресеньям в ДК металлургов. Мужская часть литераторов соблюдала традицию – после «первого отделения» переходить ко второму в ближнем ресторане. Впрочем, женщин, точнее сказать девочек, в объединении появлялось мало, они больше внимали бурным спорам о чужих стихах, редко рискуя подставлять под критику свои творения. Я уже вновь жила в Краснотурьинске, была замужем, когда в город стал приезжать екатеринбургский поэт Михаил Яковлевич Найдич и вести занятия для начинающих литераторов (в то время Союз писателей практиковал такие поездки в отдаленные районы, и городские власти находили возможность оплачивать командиро-

Наша семья, Верхотурье, 1953 г.

вочные расходы по ним). Теперь, когда Михаила Яковлевича нет в живых, очень жалею, что не сохранила протоколы этих занятий. В 1983 году по рекомендации Михаила Яковлевича Александр Рудт, заканчивавший тогда заочно Литинститут им. А.М.Горького, В. Ляпустин и я побывали на совещании молодых литераторов в Свердловске. С той поры запомнились Юрий Казарин и Игорь Сахновский. Небольшой сборник участников совещания «Первоцвет» вышел только в 1987 году. Помещенные там восемь не Бог весть каких стихотворений долго оставались моей единственной публикацией. Лет 10–15 я практически не писала. Городская литература тоже заметно приуныла. По внешним ли, по внутренним ли причинам – нет смысла сейчас анализировать.

Ближе к концу черствых девяностых творческий народ снова потянулся к общению, начались сборища в клубе «Прометей», появились два неплохо для местного уровня подобранных сборника городских поэтов. С начала 2000-х ряды авторов, отнюдь не старых еще людей, начали редеть – ушли из жизни Юрий Доронин, Анатолий Юнге, Людмила Виноградова, Анатолий Бригадиров... (я опять об ушедших... но не могу не вспомнить единомышленников, можно даже сказать, единоверцев – провинциальных поэтов, и при жизни не избалованных вниманием).

...Активизировались «воинствующие графоманы», подтолкнув нас (нет худа без добра) к выделению в литобъединение «Диалог» в 2001 году под руководством Александра Рудта. О многоликом и живучем худе больше упоминать не хочется, а из хорошего – за 10 лет вышли доморощенные книги почти всех «диалоговцев» – Владимира Болдырева, Галины Жуковской, Марины Лариной, несколько книг Александра Рудта (большой частью на собственные деньги, конечно). Жаль, что нет притока новых сил в объединение – более-менее

С мужем, 80-е гг.

творческая молодежь устремляется в большие города, как Василий Нестеров, сейчас постоянный автор «Урала».

В этот период высшие силы спровоцировали меня путем «подкинутой» газеты «Екатеринбургские ведомости» впервые связаться в поэтический конкурс, что обернулось знакомством с Евгением Касимовым и – заочно – с Виталием Кальпиди, появлением подборок в ряде уральских журналов, а затем во втором томе антологии

«Современная уральская поэзия». В 2006 году к другим «диалоговским» книгам прибавился мой сборник «И человеку и листу», где вместе с собственными стихами были помещены и переводы из Эмили Дикинсон (честно говоря, почти половина 200-штучного тиража до сих пор прозябает на моей книжной полке). Благодаря проекту «Приют неизвестных поэтов», позже варварски искорененному из газеты «Труд», я влилась в ряды дикороссов под водительством Юрия Беликова. Появились публикации в журналах «Дети Ра» и, недавно, – «День и ночь».

Что еще? Проработав тридцать с лишним лет в охране природы, объездила и нагляделась на Северный Урал с непоказуемой стороны ошметков прежде процветавших предприятий, выпусков сточных вод, свалок и т.д. – стихи росли буквально «когда б вы знали, из какого сора». Складывались, как правило, в дороге – к «застольному» творчеству не приучилась до сих пор. Пищу отношению не причисляю – голимая эклектика, к надрывному интиму почти не склонна в силу уральской закрытости характера (или возраста?). Навещает запоздалая мысль вернуться (в печати, если таковая еще случится) к родовой фамилии. Считаю, что количество пишущих не есть функция количества читающих, но определяется и оправдывается величием здания русского языка, нуждающегося в огромной армии квалифицированных и подсобных рабочих для поддержания в должном состоянии, а тем паче для развития.

С дочерью, зятем и сыном, 2010 г.